

Библиотекарь из Наг-Хаммади

Ибо я первая и последняя. Я

почитаемая и презираемая.

Я блудница и святая.

Зачастую, говоря о литературе, мы представляем себе писателей находящимися в безвоздушном пространстве, как сферических коней в вакууме. На самом деле писатели – тоже люди, и между ними существует множество горизонтальных и вертикальных связей. По моим наблюдениям, литераторы представляют из себя своеобразную большую семью, с очень запутанным клубком отношений внутри нее. Так, недавно на международном форуме издателей во Львове мне показали украдкой современную Елену Прекрасную, из-за которой распался станиславский (Ивано-Франковский) феномен, очень интересное сообщество, давшее современной Украине многих из ее самых лучших и ярких писателей. Михаил Елизаров, кстати, тоже из Ивано-Франковска, хотя мало кто об этом знает и помнит. А что это значит? Это значит, что биографически он принадлежит к складывавшемуся начиная с 1980-х геопозитическому локусу, в котором, например, совершенно естественно было назвать энциклопедию современной украинской литературы гностическим словом «Плерома».

Плеро́ма (от греч. Πλήρωμα) — одно из центральных понятий в гностицизме, обозначающее божественную полноту. Согласно учению гностиков, Плерома представляет собой совокупность небесных духовных сущностей, эонов, *«целостный духовный универсум... своего рода горный мир, образ неповрежденного мироздания, утративший целостность из-за падения последнего зона — Софии и обретающий ее вновь в результате апокатастасиса¹»*, или всеобщего восстановления. А подзаголовок у этой энциклопедии был «Возвращение Демиургов». Демиургами (тоже гностический термин, означающий злого и неразумного создателя нашего мира) создатели энциклопедии – писатели Юрий Андрухович и Владимир Ешкилев называли своих собратьев-литераторов. То есть примерно понятно, в каком контексте проходило литературное взросление Михаила Елизарова. Далее он переезжает в Харьков, который на литературной карте Украины давно и прочно считается городом Сергея Жадана. Жадан, на мой взгляд, стихийный гностик, то есть у него есть прорывы во весьма специфический гностический космос, но они носят неосознанный характер, в основном связанный с ностальгией по поводу распада СССР как по утраченному объекту любви. Как пишет Вадим Руднев: «Если верно, что главное в этиологии депрессии — это «утрата любимого объекта», то в результате Первой мировой войны был утрачен чрезвычайно важный объект — уютная довоенная Европа...» Аналогично герой Жадана теряет Советский Союз, и с этого начинается его депрессия, переживаемая как конец света.

Депрессия и гностический взгляд на мир по сути синонимы, просто это слова из разных дискурсов – медицинского и религиоведческого. Гностики существуют в мире материи, которая представляет из себя зло, они окружены злом и материей, их собственное тело — источник страданий и тягостных ощущений. Единственное избавление лежит через смерть, и при этом не каждому

¹ Шабуров Н.В. Плерома // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

удается соединиться с абсолютном. Воспроизводство себе подобных означает умножение страданий, и отсюда гностики приходят в пределе либо к самооскоплению, либо к либертинажу.

Гностический мир безрадостен, этот мир целиком описывается строками М. Цветаевой: «*В теле как в трюме / в себе — как в тюрьме / жив, а не умер / демон во мне*», где демон — это та самая божественная искра, стремящаяся вернуться в свою Плерому, полноту бытия. В основе гностического миропонимания лежат «отрицание благого Творца; негативное отношение к видимому вещному миру — ошибке злого, неведающего создателя. Человек же, которому враждебны и этот мир, и создатель, возвышается над ним в силу своего духовного начала, заключенного в нем; спасение представляется в виде гносиса — пути освобождения этого начала от оков неведения, плоти, вещества²...» Это слова Марианны Казимировны Трофимовой — известной исследовательницы гностицизма, переводчицы текстов из Наг-Хаммади. Следует оговориться: гнозис — это очень многозначное понятие, примерно столь же многозначное, как и, скажем, культура, и по поводу того, чем он является, ведутся шумные споры как среди сторонников, так и среди противников гностицизма. Если сформулировать кратко, то «гнозис — это тайное знание о том, что мир — создание злого и неразумного Демидурга, доступное лишь посвященным». Для гностиков характерно представление об электах — избранных, которым позволено всё, или духовных людях, в которых теплится божественная искра, а также о душевных и материальных созданиях, чей удел после смерти печален. Вообще в гностической системе координат мир чрезвычайно иерархизирован, и существует своеобразная лестница, ведущая от благого Бога (отличного от Творца) к земным существам. Эта лестница начинается с наиболее духовного и заканчивается предельно материальным, причём материя для гностиков — это чистое зло. По мнению культуролога Игоря Яковенко, российская цивилизация в целом несёт в себе манихео-гностический комплекс, проявлениями которого являются мироотречность, жесткое разделение на два противоборствующих лагеря, участников последней битвы сил Добра и Зла, убежденность в приоритете Духа, профанация материального космоса³.

На этих основных постулатах: 1) мир лежит во зле; 2) идёт вечная война сил Света и Тьмы; 3) это известно только избранным, — на наш взгляд, и основано творчество такого современного русского писателя, как Михаил Елизаров.

Елизаров получил свою главную книжную награду, «Русского Букера» (2008) за роман «Библиотекарь», воспринятый очень по-разному — от бурных восторгов до обвинений в фашизме и чуть ли не проклятий. За фашизм, кстати, у Елизарова принимают его гностический элитаризм и восторг перед войной, вполне объяснимый в рамках манихейских ценностей. Понятно, что каждый смотрит на текст со своей колокольни. Так, Галина Агеева, библиотечный работник, рассмотрела этот роман со своей профессиональной точки зрения, обращая особое внимание на социальный имидж библиотек: «Библиотека в романе является не только прибежищем людей неустроенных, одиноких и неуспешных, кому не нашлось места в новой постсоветской жизни, но и, напротив, обителью избранных»⁴. Нас же интересует, каким образом гностический миф отразился в тексте данной книги.

Итак, что мы видим. Семь книг советского писателя Дмитрия Громова становятся магическими гримуарами, прочтя которые люди начинают служить им, организовывая библиотеки и читальни. Свое действие книги могут оказать при соблюдении двух условий — непрерывного и

² Трофимова М. К. Гностицизм как историко-культурная проблема в свете коптских текстов из Наг-Хаммади // *Aequinox* МСМХСШ. — С. 168.

³ Яковенко И.Г. Манихео-гностический комплекс русской культуры // *Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое*. М., 2007. С. 73-194.

⁴ Агеева Г.М. О книгоцентризме романа М. Елизарова «Библиотекарь» // *Библиотекосведение*. №1, 2010. URL: http://www.rsl.ru/datadocs/Bibliotekovedenie_01_2010.pdf#page=51

внимательного чтения (сравним с техникой «медленного чтения», распространенной в современных университетах). Конкурирующие библиотеки находятся в состоянии перманентной войны: книги писателя Громова были скучны, выбрасывались и терялись, а одна, написанная как панегирик Иосифу Сталину и вовсе была предана забвению, выйдя уже после смерти тирана. До наших дней дошли немногочисленные экземпляры, и буквально за каждой книгой ведется охота. Главный герой наследует должность библиотекаря от своего дяди (сюжет распространён в историях о посвящении: например, король Артур получает посвящение от собственного дяди Мерлина). Главный подвиг библиотекаря заключается в том, как он, вооруженный священной книгой, заключённой в футляр на железной цепи, убил противника: «как пращу раскрутил Книгу и обрушил на голову Марченко. Стальной футляр воткнулся прямо в основание затылка. Неприятно хрустнул разбитый позвонок⁵». Большую часть повествования занимают битвы за книги, одна из них, ключевая, происходит под деревней Невербино, явно образованной автором от латинского «слова». Другая битва – с отколовшимся отрядом бесбашенных читателей, называемых «павликами», невольно вызывает в памяти еретическое движение павликиан, в чьей основе лежали идеи манихейства.

В целом макабрические картины битв книжников, трогательно именуемых по имени-отчеству, напоминают о «Шатунах» Мамлеева с их атмосферой интеллигентского ужаса, спрятанного под уютной дачной оболочкой подмосковного поселка Лебедино. И это неслучайно, поскольку Михаила Елизарова связывают с Юрием Мамлеевым дружеские связи и его вполне можно назвать учеником этого гностического писателя, основавшего в советское время эзотерический салон. Я имею в виду знаменитые собрания в Южинском переулке, где жил Мамлеев, и писателей его круга (Головина, Дугина, Джемалю, Дудинского, Проханова, Буковского и др.) В каком-то смысле «Библиотекарь» – это роман про Южинский кружок, где в самое глухое время варились алхимические, эзотерические, гностические идеи. Вот что вспоминает о Южинском кружке Игорь Дудинский, отец режиссёра Валерии Гай Германики: *«Этот кружок сформировался в читальном зале Ленинки, точнее, он зародился в тамошней курилке. Книги по философии, мистике, эзотерике (КГБ тогда ещё не осознавал степени их влияния, и вся эта роскошь ещё стояла в открытом доступе, люди их читали и обсуждали). Постепенно все со всеми перезнакомились, и Мамлеев стал приглашать народ к себе в гости... Этот салон носил отчётливый мистический оттенок... Создавались и вывешивались стенгазеты «Вечная женственность» и «Её слезы»... Можно было увидеть такую картину: входит профессор в пиджаке и галстуке, его поддерживают под руки два бомжа. И он с этими бомжами ведёт диалог, причём они в плане интеллектуального потенциала ни в чём ему не уступают. Южинский стал точкой отсчёта для следующих поколений, аккумулятором идей, который всех потом питал. Там учили идти во всё до предела. Там бредили, освобождая ум⁶».*

Для тех, кто читал «Библиотекарь», совершенно очевидно, что под Широнинской читальней, которую возглавляет главный герой, угадывается Южинский кружок. Но есть ещё кое-что, что необходимо отметить. Ближе к концу книги, когда приближается разгадка мистического воздействия опусов Громова, библиотекарь понимает, что «есть особый тайный человек, владеющий сокровенным Семикнижием. Ему известно: куда читаются Книги, одна за другой, без перерыва, страшный Враг бессилён. Страна надёжно укрыта незримым куполом, чудным покровом, непроницаемым сводом, тверже которого нет ничего на свете, ибо возводят его

⁵ Елизаров Михаил. Библиотекарь. М., 2009. С. 172.

⁶ Крижевский Алексей. Бархатное подполье. Игорь Дудинский о жизни советской богемы // Русская жизнь. 01.02.2008. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/510>

незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел⁷». А дальше еще интересней!

Этот человек, оказывается, сидит под зелёной лампой, что не может не вызывать у любого, кто жил в СССР, ассоциаций с настольной зелёной лампой Ильича⁸. Тем более, что в бункере, где он сидит на глухом окне наклеена картинка с видом Кремля. Но здесь мы видим не только характерную для Елизарова ностальгию по Советскому Союзу, но и намёк на глубинную суть ленинизма, которую французский политолог Ален Безансон определяет так: *«ленинизм есть классический гностицизм в своём манихейском варианте»*. Одна из ключевых проблем ленинской идеологии – «проблема филологическая, вопрос её языка... Вывод Безансона: *«Эта речь становится магией по мере того, как становится явным ее бессилие. Она неспособна изменить реалию сообразно своим целям, ей не под силу создать иную реалию, соответствующую её обещаниям. Ее роль – в заклинании, то есть во внушении несуществующей реальности»*. Тесную связку с магией словесной также являет собой и магия эстетическая и, в частности, т.н. социалистический реализм⁹». Все это мы видим в тексте Михаила Елизарова «Библиотекарь».

Другой популярный писатель, Владимир Сорокин, по мнению критика Михаила Бойко представляет направление «гностического романа»¹⁰. Трилогия писателя, в которую входят тексты «Путь Бро», «Лед», «23000» повествует нам о противостоянии сынов Света и мясных машин, т.е., в гностической терминологии – пневматиков и соматиков. Интересно, что поиск избранных, которых нужно найти ровно 23 тысячи, активно ведётся по всему миру. В 1960-е отдельно упоминаются три места: *«В громадной Библиотеке имени Ленина мы нашли восьмерых. В Библиотеке иностранной литературы – троих. В Исторической – четверых»*¹¹. Владимир Сорокин – истинный представитель постмодернизма, блестящий стилизатор, взрывающий дискурс социалистического реализма изнутри и наполняющий его новыми смыслами. В каком-то смысле он и есть этот писатель Громов, прочитанный по-новому. А в отрывке из романа «Путь Бро» хорошо видно, насколько похожи орудия елизаровских библиотекарей и сорокинских ведающих (напомним, что гнозис – это знание): *«Нам нужен был ледяной молот. Мы хотели ведать всё про него: какой он, как его делать, как им бить, что говорить при этом губами, а что — сердцем. В нашем Великом Деле всё было ясно, как Свет, и прозрачно, как Лёд. Кроме инструмента пробуждения сердец. Каким он должен быть? Девятнадцать раз мы стучали в груди наших, и каждый раз молот был разным. Каждый раз его делали наспех, используя то, что есть под рукой. Лёд привязывали сыромятными шнурками к посоху, верёвкой к обрезу винтовки, ремнём от портупеи к древку советского флага, носовым платком к палке, проволокой к железной трубе»*¹². Отметим, что это ледяное орудие близко по описания к тем грубым сельскохозяйственным и строительным инструментам, что используют библиотекари и читатели Елизарова в своих кровавых междоусобицах.

После «пробуждения» ударенных ледяным молотом людей нужно было некоторое время держать в каком-нибудь спокойном месте. Возможно, это совпадение, но «Сердце не могло обмануть:

⁷ Елизаров Михаил. Библиотекарь. М., 2009. С. 298.

⁸ См. например: «Он не мог даже и предположить, что за этой подступающей холодом и голодом ночью уже брезжит рассветом день назначенной с Владимиром Ильичем встречи и что его имя уже известно человеку, склонившемуся в эти часы над письменным столом в тускловатом свете зеленой лампы». В. Степанов. Зеленая лампа. URL: <http://lib.rus.ec/b/54320/read>

⁹ Воробьев О.А. НЕРАЗОРВАВШАЯСЯ БОМБА. Рецензия на книгу Алена Безансона "Интеллектуальные истоки ленинизма". URL: <http://voa.chat.ru/besancon.htm>

¹⁰ Бойко М. Мистерии пространства и времени: о современном гностическом романе // НГ ExLibris. 2007. № 36(433). URL: http://exlibris.ng.ru/tendenc/2007-10-04/7_misterii.html.

¹¹ Сорокин В. Лёд // Сорокин В. Собр. соч. в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 788.

¹² Сорокин В. Путь Бро // Официальный сайт Владимира Сорокина. URL: http://www.srkn.ru/texts/bro_part12.shtml

через два дня мы увидели этот дом глазами. Он принадлежал профессору Московского университета Головину, чей сын, бывший белогвардейский офицер, был арестован по обвинению в «антисоветском заговоре». Лёд, в котором согласно Сорокину заключены «разрушение дисгармонии и сила Вечности», напоминает нам о мистических поисках Евгения Головина, советского алхимика, чья книга «Приближение к Снежной Королеве» вдохновляет Михаила Елизарова на эссе из книги «Бураттини. Фашизм прошел»¹³. То есть мы убеждаемся, что тексты современных писателей бывают очень тесно связаны, и эти связи надо уметь увидеть. В случае с Елизаровым и Сорокиным такой оптикой, помогающей приблизиться к пониманию внутренней сопряженности различных текстов, может стать гностический миф.

В частности, этот миф помогает понять, почему книги писателя Громова обладали такой удивительной силой, находящейся вне зависимости от их содержания. Исследователи гностицизма подтверждают: одно из самых прекрасных гностических сочинений – коптская рукопись, переведённая с греческого, один из текстов найденной в конце 1945 года библиотеки Наг-Хаммади под названием «Гром, или Совершенный Ум». Речь в нём идёт от лица женской божественной сущности, условной Софии. Наше предположение заключается в том, что именно это гностическое произведение вдохновило Михаила Елизарова на создание романа «Библиотекарь». Приведем несколько цитат, объясняющих этот вывод. *«Я послана/ Силой. И я пришла к тем, кто/ думает обо мне. И нашли меня/ среди тех, кто ищет меня./ Смотрите на меня те, кто думает обо мне!/ Те, кто слушает, да слышат меня!/ Те, кто ждал меня, берите меня/ себе. И не гоните меня/ с ваших глаз!»* Данному отрывку в романе «Библиотекарь» соответствует ожидание, страсть к Книге, поиск книг, их коллективное чтение перед битвами и напряжённая борьба.

«Да не будет не знающего меня/ нигде и никогда! Берегитесь,/ не будьте не знающими меня!.. Я молчание,/ которое нельзя постичь, и мысль,/ которой воспоминаний множество./ Я глас, который многогласен,/ и слово, которое многовидно». Эти слова преобразуются у Елизарова в погоню библиофилов за всеми семью книгами Громова, составляющими единство в своей множественности.

То, что речь идёт о знании-гнозисе, преобразующимся под пером Елизарова в знание-силу, явственно следует из строки «Ибо я знание и/ незнание». А далее следует фраза, объясняющая кровавые разборки поклонников таланта писателя Громова: *«Я война/ и мир»*, повторяющаяся рефреном, но немного с другим смыслом: *«Я мир, и война/ произошла из-за меня»*. То есть универсум книг Громова, несущий в себе высший позитивный смысл, оборачивается настоящей кровавой баней.

«Я знание поиска меня и/ находка тех, кто ищет меня... Я та, которая/ почитаема, и которой воздают славу,/ и которой пренебрегают/ с презрением». Здесь описывается ситуация, согласно которой книги Громова не сохранились из-за своей низкой художественной ценности, и при этом они со временем приобрели высшую ценность, стали святыней, Граалем, меняющим природу тех, кто к нему прикасался.

Мы видим, как строки гностического трактата полностью меняют смысл сказанного современным писателем; придают абсурдным построениям о мистической ценности соцреалистического шлама, который сейчас невозможно читать даже из чисто сентиментальных настроений, достаточную убедительность. Книга Елизарова показывает нам еще одну важную вещь: те отрывки древних текстов, которые доходят до нашего времени, неизбежно искажаются, обрастают новыми смыслами. Приведу пример: в Живом Журнале есть сообщество anti4ka2007, посвящённое

¹³ Дайс Екатерина. Пляжное чтиво. Михаил Елизаров. Бураттини. Фашизм прошёл. М.: Астрель: АСТ, 2011 // Русский журнал. 21.08. 2012. URL: <http://www.russ.ru/pole/Plyazhnoe-chtivo>

переводам античной литературы на русский и другие языки. В том числе, студенты выкладывают там конспекты лекций по античной литературе, услышанные в один и тот же день, от своего профессора Гасана Гусейнова. Зачастую трудно понять, что именно тот сказал, каждый слышит что-то своё, иногда противоречащее услышанному соседом. Мы все находимся в этой ситуации студента, перед которым открывается гностический текст «Гром, или совершенный Ум». У Михаила Елизарова он преобразился в библиотечный боевик, у Бориса Гребенщикова в песню «Таможенный блюз» со словами «Когда я трезв – я Муму и Герасим, мама,/ А так я – война и мир», у Льва Толстого – в целую манихейскую эпопею.

Но главное не то, насколько современные русские писатели отчётливо слышат отдалённый шум древнего гнозиса, доносящийся до них из раковины свёрнутого свитка Наг-Хаммади, а то, какие эмоции это вызывает у читателей, носителей до сих пор плохо осознаваемого, но такого привычного манихео-гностического комплекса русской культуры.